

М. Юркевичъ.

801-14
1150

НА НОВОМЪ АѦОНѢ.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАСТЫРЯ-ПАЛОМНИКА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина. Тельжная ул., д. № 5.

1902.

М. Жркевичъ.

804-14
1/50

НА НОВОМЪ АТОНЪ.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАСТЫРЯ-ПАЛОМНИКА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.

1902.

Ивлечено изъ дух. журнала „Странникъ“ за 1902 годъ.

I. На пути въ обитель.

Суббота 8. Въ лѣтніе мѣсяцы горожане, истомленные трудами и тяготами жизни, устремляются на дачи ради близости къ природѣ, ради возможности дать нѣкоторый роздыхъ тѣлу и душѣ своей; но самая возможность эта часто является только кажущоюся, и для приходского священника, если онъ не освобождаетъ себя отъ исполненія служебныхъ обязанностей своихъ, самое пребываніе вдали отъ паствы нерѣдко бываетъ прямо невозможнымъ. Между тѣмъ роздыхъ для слабыхъ здоровьемъ іереевъ бываетъ безусловно необходимъ, роздыха этого настойчиво требуютъ врачи, роздыхъ этотъ у нѣкоторыхъ является многолѣтнею привычкою, вошедшею въ жизнь отъ юности, отъ школьной скамьи, отъ первыхъ годовъ самостоятельной жизни на духовно-училищной службѣ... Вотъ и приходится брать отпускъ, чтобы отдохнуть тѣломъ и духомъ, освѣжить себя новыми впечатлѣніями, созерцаніемъ природы, общеніемъ частію съ находящимися далеко близкими сердцу людьми, и всегда вообще съ совершенно новыми, прежде незнаемыми представителями народности нашей, даже съ массою все-россійскою тамъ, куда привлекаетъ ее православно-русское благочестіе, стремленіе помолиться Спасителю Богу на томъ или иномъ мѣстѣ святѣ всей Руси святой, прославленномъ и прославляемомъ воочію всѣхъ.

Какъ ни страннымъ это можетъ показаться,—но лѣтній отдыхъ вълѣдствіе многолѣтней привычки соединяется у меня съ провѣркою всѣхъ основъ личнаго міросозерцанія,

2011119680

собственного міропониманія надъ какимъ-либо наиболѣе серьезнымъ произведеніемъ богословско-философской мысли. Каникулы семидесятыхъ годовъ я обычно проводилъ на Дону, по цѣлымъ недѣлямъ пребывая у преосвященнаго Никанора, который былъ тогда епископомъ Аксайскимъ—викаріемъ донской епархіи и, томясь недостаткомъ служебной дѣятельности, продолжалъ свои научныя занятія, трудился надъ „Позитивною философіей и сверхчувственнымъ бытіемъ“. Во время кабинетныхъ занятій владыки я всегда занимался чтеніемъ или книгъ изъ его библіотеки и журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ, или тѣхъ отдѣловъ „Позитивной философіи“, какіе были раньше написаны, переписаны, подготовлены къ печати, или же при мнѣ выходили изъ-подъ пера архипастыря-философа. Во время ежедневныхъ прогулокъ по печальному дворику, который онъ всячески усиливался превратить въ садикъ, начиналась оживленная бесѣда по поводу прочитаннаго, приходилось—выражаясь никаноровскими словами — „погружать себя въ абсолютное, прочищать основы своей духовной жизни“... Вотъ, какъ наступаютъ лѣтнія жары, и начинаешь чувствовать настойчивую потребность „погружаться въ абсолютное“, провѣрять тайники своей мысли, своего чувства, своего внутренняго я, потянетъ къ книгѣ, вчитываясь и вдумываясь въ которую встряхнешься духомъ, освѣжишь его свѣтлымъ напряженіемъ въ постиженіи высихшихъ началъ міробытія и міроуправленія... Въ настоящемъ году служебныя обстоятельства сложились такъ, что отпускъ сталъ возможенъ только въ сентябрѣ; но съ августа страдавшая пора трудовой жизни прошла, явилась возможность отдаться работѣ кабинетной, — и засѣлъ я за „Науку и Религію“ Б. Чичерина, которая весьма внятно и тепло заговорила уму и сердцу, напоминая давнія бесѣды съ Никаноромъ въ Ново-Черкасскѣ.—Между тѣмъ выяснилась возможность совершить путешествіе, давнымъ давно намѣченное, давнымъ давно желанное. Пребываніе на морѣ всегда весьма благотворно дѣйствуетъ на слабую грудь мою, Новый Афонъ давнымъ давно сильно интересовалъ меня; еще во время службы въ Одессѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ я покушался было посѣтить этотъ оазисъ русской жизни монастырской на Кавказѣ, но, хотя предпринялъ съ этою

цѣлью путешествіе по Черному морю до Батума, вслѣдствіе совсѣмъ неожиданной перемѣны росписанія попалъ на прямой рейсъ вмѣсто круговаго, такъ что пароходъ нашъ не подходилъ къ монастырю. Теперь на той же „Цесаревнѣ“, на которой я совершалъ первую путину, при прекрасной совсѣмъ лѣтней погодѣ и почти полномъ спокойствіи моря совершаю послѣдній переходъ до Батума, порѣшивши остаться въ обители на обратномъ пути. „Науку и Религію“ взялъ съ собою, вновь просматривалъ ее, вдумывался и вчитывался въ это замѣчательное произведеніе.

Благодаря необходимости останавливаться во всѣхъ даже маленькихъ портахъ, мы все время шли близко къ берегамъ Кавказа и вдосталь налюбовались красотами природы, которыя выше крымскихъ, — вѣдь и снѣговья вершины виднѣются въ голубой дали небесъ, и прибрежные уступы горъ полны зеленой растительности, и помѣстившіяся по скатамъ ихъ и въ долинахъ поселенія людскія—манятъ къ себѣ не только глазъ, но и сердце. Повсюду отъ пристаней виднѣются самыя изящныя дачныя постройки, самыя прелестныя уголки для отдыха отъ трудовъ и заботъ на лонѣ природы... Въ Новороссійскѣ предъ отдыхомъ „Цесаревны“ на пристань стало собираться духовенство, — скоро сдѣлалось извѣстно, что преосвященный епископъ сухумскій Арсеній возвращается изъ Твери, гдѣ былъ въ отпуску. Пароходъ былъ полонъ пассажирами, и явилось затрудненіе дать владыкѣ отдѣльное помѣщеніе; я предложилъ каютку, бывшую въ единоличномъ моемъ владѣніи, — такъ и устроилось это дѣло. Почтенѣйшій восьмидесятилѣтній архипастырь Сухумскій, еще очень бодрый и дѣятельный, въ сопровожденіи свиты изъ іереевъ и діаконовъ слѣдовалъ съ нами только до Сочи, куда мы прибыли только ночью. Владыку тамъ ожидали, и торжественная встрѣча его имѣла свой особый, своеобразный характеръ, — архіерейскій экипажъ сопровождали всадники съ горящими факелами въ рукахъ; въ ночной темнотѣ, въ ночной тишинѣ воздуха это шествіе и множество быстро двигающихся огоньковъ представляло очень эффектное, можно сказать волшебное зрѣлище...

Утромъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи нашему взору предсталъ Ново-Аѳонскій монастырь, и описать пер-

вья впечатлѣнія величавой красоты его нѣтъ возможности; а, когда сердцу русскаго пастыря внятно заговорилъ разносившійся надъ необъятнымъ воднымъ пространствомъ торжественный праздничный трезвонъ колоколовъ, въ глубинахъ духа всколыхнулись самыя тонкія, самыя высокія струны, связывающія насъ съ небомъ и вѣчностію, и радостно было сознавать, что давняя мечта близка къ осуществленію, что есть полная возможность погостить на Аѳонѣ нашемъ кавказскомъ и познакомиться съ нимъ поближе. (Съ моря глазъ охватываетъ сразу всю обитель— и верхнюю съ ея громаднымъ корпусомъ, украшеннымъ изящными главками трехъ церквей, съ ея величественнымъ соборомъ, съ ея высокою, грандіозною колокольнею, и нижнюю — со скромнымъ храмомъ Покрова Богородицы и смиренными постройками, предназначенными для пріюта богомольцевъ, и пріютившуюся около ущелья древнюю церковь св. апостола Симона Кананита, и высящуюся отдѣльно Иверскую гору, и вмѣстилища прѣсной воды, и легкую пристань надъ моремъ, и сады, и дороги, и движеніе людское на нихъ, и зданіе школы, больницу, многія хозяйственныя постройки, и послѣдній пріютъ всѣхъ— кладбище... И, сразу поражаютъ благолѣпота общаго вида, мощность проявленія ума крѣпкаго, чувства изящнаго, труда неустаннаго этой монастырской общины, менѣе чѣмъ въ двадцать пять лѣтъ создавшей такой великій, такой мощный памятникъ русскаго благочестія, русскаго молитвеннаго подвига, русскаго практическаго смысла самороднаго... На пути много было разговоровъ относительно предположенія устроить желѣзную дорогу по всему кавказскому побережью Чернаго моря, чтобы связать удобнымъ сообщеніемъ всѣ важнѣйшіе ея пункты. Главный, какъ говорили, инженеръ, приставленный къ этому дѣлу, нѣкоторое время шелъ съ нами и говорилъ очень много о планахъ и предначертаніяхъ, утверждая, что въ принципѣ проектъ его измѣнять, повсюду въ правящихъ сферахъ встрѣченъ сочувственно и т. под., только не могъ опредѣлить, скоро ли послѣдуетъ его осуществленіе.

Воскресенье 9. Въ Батумѣ до литургіи успѣлъ осмотрѣть и бульваръ, и садъ, и значительную часть города. Съ 1889 года, когда я впервые былъ здѣсь, перемѣна пора-

зительная: все разрослось не по днямъ, а по часамъ,—деревья, кусты, тогда только насаженные, теперь представляютъ почти великановъ, развиваясь въ грунтѣ безъ особеннаго—повидимому—присмотра и ухода гораздо лучше, чѣмъ у насъ въ комнатахъ и оранжереяхъ при самомъ тщательномъ досмотрѣ; мнѣ особенно понравились, какъ будто соотвѣтствовали настроенію моему душевному, стройныя, меланхолическія, устремляющіеся къ небу кипарисы. Грязненькій, ничтожный, диковатый турецкій городокъ улетучился,—повсюду прекрасныя зданія, электрическое освѣщеніе, телефоны, извозчики на резиновыхъ шинахъ; двѣ гимназіи и очень много другихъ учебныхъ заведеній, даже частныхъ школъ; водопроводъ, асфальтовые тротуары, отдѣленіе на бульварѣ для велосипедистовъ, словомъ повсюду примѣненіе послѣднихъ изобрѣтеній современной цивилизации... Только прекрасный соборъ стоитъ незаконченнымъ, да и въ старомъ богослуженіи совершается слишкомъ торопливо, поютъ совсѣмъ плохо, не только гармоничности, но вообще души, молитвенности, которыя сказываются и въ простомъ прѣсенномъ обращеніи къ Богу, не слышатся. Относительно собора—впрочемъ—объяснили мнѣ, что въ скоромъ времени будетъ отпущено 120,000 рублей на внутреннюю его отдѣлку, а снаружи онъ совершенно законченъ. Нельзя однако же сказать, что и Азія здѣсь не сказывается,—она даетъ себя знать на каждомъ шагу прежде всего тѣми черкесскими, въ которыя одѣты и туземцы до босяковъ включительно, и многіе православно-русскіе воины. Разнообразіе типовъ при оригинальности костюмовъ и головныхъ уборовъ, при выдающейся красотѣ молодыхъ мужчинъ невольно обращаетъ на себя вниманіе... Сгустилась темнота ночная, издали доносятся свистки паровозовъ, въ гавани все затихло, надвинулись мрачныя тучи, лучи мѣсяца безсильны пробить ихъ,—и Черное море, даже при электрическихъ фонаряхъ на пристани, кажется настолько чернымъ, настолько мрачнымъ, что и въ океанѣ подобной черноты водъ, подобнаго мрака пучины не приходилось видѣть. Не отъ этой ли черноты водной и получило оно свое наименованіе?

II. Въ обители святой.

Понедѣльникъ 10. Въ полной тишинѣ мирной обители святой только шумъ морскаго прибора нарушаетъ безмолвіе ночи. Въ маленькомъ, очень простомъ, но чистомъ номеркѣ монастырской гостинницы, послѣ простой, но чисто и вкусно приготовленной трапезы, за которою подано было „на произволящаго“ и свое обительское кисленькое, съ водою довольно пріятное на вкусъ, ароматное вино изъ винограда Изабелла, послѣ первой прогулки по обители, заносу первыя свои замѣтки подъ ея гостепрѣимнымъ кровомъ. Отъ Батума и Сухума при вечернемъ освѣщеніи, притомъ безъ спрятавшагося въ тучи солнышка яснаго, безмолвная обитель для насъ, приближающихся къ ней на пароходѣ странниковъ, дала нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ въ первый разъ,—теперь она казалась не только мощною, но и грозною крѣпостію, передовымъ на этой окраинѣ постомъ русской силы внѣшней и внутренней, русской народности и русскаго православія, отдавшихъ чадъ своихъ на всецѣлое служеніе Богу, Царю православному и великому Отечеству. Пріоткрылъ окно, обращенное къ морю, и отрадная картина представилась взору: темныя тучи раздвинулись; луна, бросивши по волнамъ длинную полосу нѣжнаго свѣта, ласково, привѣтливо заглянула ко мнѣ въ номеръ-келью, какъ будто съ высоты небесной принося благословеніе и благожеланія...

Когда съ моря смотришь на Новый Аѳонъ, все тамъ кажется очень близко; но, когда начинаешь осматриваться на монастырской сушѣ, подниматься и опускаться по извилинамъ горы, пространство оказывается весьма значительнымъ. Дороги и дорожки устроены прекрасно; бодрящее и укрѣпляющее воздѣйствіе на тѣло и душу прежде всего оказываетъ воздухъ, насыщенный ароматомъ хвойныхъ и цвѣтущихъ растений. Грустно вдумчивыя, сѣдыя масляничныя деревья склоняютъ вѣтви свои къ землѣ, напоминая, что подъ тѣнію масличною, въ саду Геосиманскомъ простертый на землѣ до кроваваго пота молится грядый на вольную страсть Спаситель міра. Склоняясь къ землѣ маслины, такъ и прочія деревья на горѣ, наклоняются къ западу,

вслѣдствіе сильныхъ восточныхъ вѣтровъ, которые здѣсь дуютъ періодически; только кипарисы, особенно привлекательные при лунномъ освѣщеніи, стоятъ повсюду стройно и стойко, и самый меланхолическій видъ ихъ, напряженно, настойчиво, неизмѣнно устремляющихся—именно устремляющихся, а не рвущихся, къ небу, крѣпко укоренившихся въ мать кормилицу землю родную, но каждымъ сучкомъ своимъ тянущихся въ высь небесъ голубую, невольно возбуждаетъ вопросъ: не образъ ли это здѣшняго монаха нашего—православно-русскаго ново-аѳонца? Отдаетъ онъ себя Богу, отрекнется отъ личныхъ мірскихъ заботъ; но и съ родною землею не совсѣмъ прервана связь, и русскій духъ, русскій крѣпкій умъ, русская практичность оказывается на каждомъ шагу, русскій корень русскаго теплаго сердца крѣпокъ родинѣ святой, потому и крѣпко, стройно, прямо, съ устремленнымъ въ даль небесную взоромъ стоитъ этотъ инокъ на посту своемъ, какъ кипарисъ въ край дороги. Присматриваешься къ цѣлымъ рядамъ этихъ деревьевъ, и не хочется глазъ оторвать отъ нихъ: большинство стоятъ въ стройной неуклонности, неподвижно, какъ будто нарисованные или изваянные изъ металла; пронесется вѣтеръ,—только шелохнутся, встрепенутся, вздрогнутъ; есть и пострадавшія:—у иного буря вѣроятно надломилла верхушку и склонила ее въ сторону, у другихъ вырвалась въ бокъ непослушная вѣтка, у иного подъ ударами буйнаго вѣтра корни подались и весь онъ склонился къ землѣ: но типичности своей, вѣрности своему общему облику ни одно не утратило; а на мѣсто выбывшаго изъ строя большого дерева посажено маленькое, его охраняютъ, силы его берегаютъ, его подперли коломъ и крѣпко привязали,—и тянется оно за большими къ небесамъ—тоненькое, стройненькое, и обѣщаетъ сдѣлаться такимъ же крѣпкимъ, полнымъ смолы ароматной, какъ и старое поколѣніе... Не такъ ли въ иночествѣ? Не такъ ли и въ обители? Уклонится такъ или иначе одинъ изъ братіи въ ту или иную сторону отъ прямого пути иноческаго житія, но общій духъ монастыря удержитъ его у себя и поможетъ съ достоинствомъ пройти путь жизни; прорвутся грѣховныя стремленія, склонится слухъ и око къ міровой суетѣ, падетъ братъ, выбудетъ изъ своей общины,—на его мѣсто приходитъ новый и въ ряду

старѣйшихъ растеть и крѣпнеть въ мѣру возраста совершенна... Дикъ, малообитаемъ былъ край азіатскій, трудно было ожидать для обители чадъ изъ мѣстнаго населенія,—но что это за дѣтскіе, веселые, оживленные голоса доносятся изъ ярко освѣщеннаго нижняго этажа большого зданія? Прохожу мимо и вижу черезъ отворенныя окна правильно обставленную монастырско-приходскую школу для юныхъ абхазцевъ. Не школа ли это молодыхъ кипарисовъ, которые будутъ насажены по путямъ мирнаго дѣланія русскаго духа на этой благодатной окраинѣ обширной родины нашей?.. Откуда-то съ горъ раздаются вдали громкіе раскаты, какъ будто пушечныхъ выстрѣловъ. „Что это у васъ въ мирномъ иноческомъ уголкѣ изъ пушекъ стрѣляютъ?“ спросила прибывшая на лошадяхъ изъ Сухума дама. „Нѣтъ,—это дорогу для дровъ дѣлають, скалы рвутъ порохомъ,—здѣсь иначе нельзя“,—отвѣчаетъ монахъ. Тамъ, гдѣ камень не поддается, гдѣ мало мирныхъ плуга, лопаты, кирки, лома, порохомъ скалы взорвутъ, а все-таки проложатъ мирный путь для своего труда колонизаторскаго; потомъ и кипарисы станутъ на стражу, появятся и новонасажденія масличныя около нихъ... Ощущеніе великой силы труда Богомъ благословеннаго охватываетъ душу, чувствуется, какъ сила природы подчиняется силѣ молитвы искренно вѣрующаго инока православно-русскаго, Богомъ насажденнаго на мѣстѣ благопотребномъ, Богомъ хранимаго, Богомъ спасаемаго.

Вторникъ 11. Небо сѣро, моросить дождикъ. Ранняя литургія въ соборѣ совершена была довольно поскорю, какъ въ дѣйствіяхъ духовенства, такъ и въ пѣніи. Соборъ величественно прекрасенъ, и, если дать ему осмысленное, связанное общностью идей, единствомъ чувства и святыхъ изображеній росписание стѣнъ и сводовъ, явился во всей силѣ и полнотѣ воздѣйствія на душу молящихся. Нынѣ день ангела покойной матери,—а потому творилъ поминовеніе ея и другихъ присныхъ сердцу усопшихъ. Затѣмъ въ сладость поразмыслилъ надъ словами „Науки и Религіи“: „Человѣкъ никогда не можетъ примириться съ мыслью, что любимое имъ существо превратилось въ ничто, что тотъ разумъ, то чувство, которыя составляли предметъ глубочайшей его привязанности, исчезли какъ дымъ, не оставивъ по себѣ и

слѣда. Противъ этого возмущается все его существо... Устремляя въ вѣчность свои умственные взоры, человѣкъ простираетъ въ вѣчность и свою сердечную привязанность... Смерть не только служитъ переходомъ къ высшей жизни, но она составляетъ связь между видимымъ и невидимымъ міромъ, между небомъ и землей“ (169). Навѣвающая грусть дождливая погода мѣшаетъ прогулкамъ для осмотра обители и ея окрестностей, притомъ отъ непривычныхъ къ подъемамъ и спускамъ по горѣ ноги побаливаютъ. Посѣтилъ иконно-книжную лавку при вратахъ нижняго монастыря и школу для малолѣтнихъ абхазцевъ изъ сосѣднихъ деревень. И въ лавкѣ и въ школѣ—порядокъ, чистота, мѣрное спокойствіе дѣйствій и словъ, впечатлѣнія отрадныя. Въ лавкѣ монахи привѣтствовали меня словами: „Мы Васъ знаемъ, Вы о. Михаилъ изъ Николаева“. На вопросъ,—какимъ образомъ здѣсь знаютъ меня,—послѣдовалъ отвѣтъ: „Вамъ, письмо было, о. гостиннику передавали. Духовные журналы получаемъ, Ваши статьи въ „Странникъ“ читали“. Я пошутилъ, что пожалуй опишу и свое пребываніе на ихъ Новомъ-Аѳонѣ. „Что же, помощи Господи; правду скажите, рады будемъ почитать“, отвѣтили мнѣ. Позднѣе на пути изъ собора внизъ одинъ простой монахъ, чуть ли даже не послушникъ, сдѣлалъ мнѣ такую характерную оцѣнку моей переписки съ М. Павловичемъ Озмидовымъ, напечатанной въ II книжкѣ „Странника“ за 1899 годъ, что привелъ меня въ изумленіе вѣрностію воззрѣній на затронутые мною вопросы, и подумалось, какое великое значеніе имѣетъ самоуглубленіе, вдумчивость, созерцательное настроеніе иноковъ для выработки ихъ міровоззрѣнія, міропониманія... Приобрѣлъ монастырскія изданія: „Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Канатскій монастырь“, 1885 г.; „Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь“, 1900 г.; „Сказаніе о Св. Апостолѣ Симонѣ Кананитѣ“, 1901 г. и „Сказаніе чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой Избавительница“, 1894 г., чтобы изъ этихъ книгъ восполнить свое знакомство съ исторіей обители, ея святынями и бытомъ. Школа монастырская открыта съ начала 1882—3 учебнаго года и находится въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ, верхъ котораго назначенъ для пребыванія епископа сухумскаго и другихъ наиболѣе почетныхъ по-

свѣтителей монастыря. Школьное помѣщеніе вполне удобно,— свѣту, простора, воздуха много и въ ней самой и вокруг нея, чисто и въ классѣ, хорошо и церковно-педагогически обставленномъ, и въ спальняхъ, и въ скромной трапезной. Учениковъ на лицо болѣе двадцати, приходящихъ нѣтъ; видъ ихъ бодрый, здоровый, веселый, сложены стройно, есть очень красивыя, типичныя лица, одѣты все одинаково въ чистые изъ парусины костюмы и высокіе русскіе сапоги; по словамъ руководителей, дѣти довольно скоро входятъ въ условія монастырски-школьнаго быта, но къ пищѣ привыкають постепенно, ибо дома питаются преимущественно мамалыгой, русскій напитокъ чай любятъ все. Весьма симпатичный и повидимому преданный своему дѣлу старшій учитель школы спокойно, просто, привѣтливо знакомитъ насъ съ ея составомъ, порядками и условіями быта, не постѣснялся нашего присутствія на урокахъ, которые и провелъ вполне толково, отчетливо, умѣло, съ видимымъ навыкомъ владѣть своимъ дѣломъ и учениками, не смотря на то, что былъ сильно изнуренъ кавказскою лихорадкой. Младшій учитель-послушникъ изъ албанцевъ,— воспитанникъ монастыря и его школы ведетъ занятія съ младшимъ отдѣленіемъ, еще не вкусившимъ россійской премудрости, только начинающимъ владѣть русскою рѣчью. По окончаніи урока „Достойно есть“ было пропѣто школярами сперва по-славянски, потомъ по-абхазски, послѣднее особеннымъ трогаящимъ душу грустно молитвеннымъ мѣстнымъ распѣвомъ. И помощи, Матерь Божія, этому новонасажденію обительскому росту и крѣпнуть, свѣтиться и свѣтить другимъ, разносить во всю Абхазію православно-христіанскія начала жизни духовной, православно-русскія задачи быта общественнаго и государственнаго. Помогите Господи школь этой возрасти настолько, чтобы она и по количеству своихъ питомцевъ и по высотѣ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія могла удовлетворять потребностямъ сельскаго населенія края и задачамъ русскаго дѣланія въ немъ, по меньшей мѣрѣ стала разсадникомъ учителей для школъ церковно-приходскихъ у абхазцевъ.

Солнышко стало проглядывать, а море шумить, безбрежное море, манитъ изъ кельи на просторъ природы. Изъ находящейся у подножія горы прибрежной гостиницы на-

правился къ прудамъ монастырскимъ, зашелъ съ другими въ приморскую часовню помолиться и поставитъ свѣчку, вздохнуть о въ морѣ плавающихъ среди бури и непогоды. Вдали виднѣется водопадъ, шумныя воды котораго собираются и умиряются, становятся покойными и покорными, свѣтлыми, прозрачными въ обширныхъ, искусно приготовленныхъ вмѣстилищахъ. На прудахъ манятъ глазъ искусно, прекрасно, изящно устроенные зеленые острова и полуострова, изъ которыхъ особенно хорошъ засаженный кипарисами; чинары, развѣсистые платаны, плакучія ивы, сосновыя рощицы съ шишками какъ у кедровъ—свободно и привольно разрастаются повсюду,—и вокругъ прудовъ, и на прочно, основательно устроенныхъ плотинахъ, и на островахъ и полуостровахъ; на водѣ—стаи гусей, утокъ, болѣе тридцати лебедей старыхъ—бѣлыхъ и молодыхъ—сѣрыхъ; все это водно-пернатое царство не пугается людей, даже лебеди стали всецѣмъ ручными, не прячутся, не дичатся, изъ нарочито устроенныхъ кормилокъ свободно питаются хлѣбными крошками, почти изъ рукъ берутъ куски, которые богомольцы нарочито приносятъ послѣ трапезы; вслѣдъ за птицами цѣлая стая рыбныхъ принимаются теревить хлѣбъ, играя въ водѣ разнообразною окраскою чешуи, удивляя тѣмъ, что въ прѣсной водѣ встрѣчаются морскія породы. И какъ просто все здѣсь дѣлается: „Помолились, пустили морскую рыбу въ пруды, и разводится она, плодится и множится“, отвѣтили намъ на вопросъ, какимъ образомъ удалось приучить морскихъ жительницъ къ прѣсноводью. Кстати вспомнить, что около школы важно выступала пара ручныхъ журавлей, съ которыми ученики забавлялись въ свободное время.

Начинается движеніе богомольцевъ въ соборъ къ вечернѣ. Вновь прибывшіе на пути въ гору дѣлятся впечатлѣніями видовъ мѣстности, а также силы и разнообразія растительнаго царства. Всѣхъ поражаетъ множество различныхъ породъ и видовъ хвойныхъ и другихъ деревьевъ, наполняющихъ воздухъ бодрящимъ благоуханіемъ смолистыхъ выдѣленій. Вотъ въ саду, надъ которымъ наша группа приостановилась отдохнуть, цѣлая роща лимонныхъ и апельсиновыхъ большихъ деревьевъ съ желтыми, оранжевыми и зелеными плодами, глядя на которую старушка-паломница

расплакалась и начала выражать свои чувства восторженными причитаниями, и на замѣчаніе спутниковъ, что, глядя на такую благодать, радоваться нужно, а не плакать, отвѣтила: „Ужъ очень хорошо здѣсь: ужъ такое увидѣла, что и не спилось никогда... Не могу удержаться, не могу не плакать, — душа слезъ просить“... Вечерня и повечеріе съ акаѳистомъ совершались хотя и безъ медлительности, но довольно продолжительно вслѣдствіе полноты уставной, отсутствія сокращеній; въ пѣніи даже съ кононархомъ не усматривалось своеобразной аѳонской или древнерусской типичности, — обычные гласовые распѣвы наши съ нѣкоторымъ, небольшимъ впрочемъ, своеобразиемъ переходовъ и кончиковъ. Послѣ вечерни, нужно думать — потому что служба шла отданію праздника Рождества Пресвятой Богородицы, былъ пропѣтъ тропарь этого праздника, а не пѣснопѣніе: „Никто же притекаяй къ Тебѣ“, объ особенно сильномъ воздѣйствіи котораго на молящихся говоритъ авторъ книжки „Ново-Аѳонскій Симона-Кананитскій монастырь“. Акаѳистъ на повечеріи читали три іеромонаха соборнѣ, какъ-то поскорю и слишкомъ, монотонно, маловыразительно, да и тропари кресту послѣ повечерія были пропѣты просто „на гласъ“, и не тѣмъ необыкновенно умилительнымъ напѣвомъ, — о которомъ упоминается въ указанной книжкѣ (16—17 ст.). Кажденіе ручною кадильницею производитъ нѣкоторый эффектъ; но позвоненіе ея бываетъ слишкомъ сильно и мѣшаетъ слушать чтеніе церковное, а большой воздухъ отъ плеча къ кисти руки у совершающаго это кажденіе іеромонаха издали и въ полумракѣ кажется простымъ платкомъ, бываетъ некрасивъ, да и понять простому человѣку трудно, кіа ради вины онъ требуется. Послѣ непродолжительнаго звона къ вечернему богослуженію, братъ-инокъ обходитъ вокругъ собора съ деревяннымъ биломъ, звуки котораго пріятно бьютъ по нервамъ, мягко и хорошо отдаются въ сердцѣ... Между вечернею и повечеріемъ многіе изъ братіи приглашали меня въ трапезу, но я отклонилъ любезное приглашеніе, — и ѣсть не хотѣлось, и являть себя общему собранію обители въ не совсѣмъ уставномъ одѣяніи — въ одной верхней рясѣ — не желательно было, и слишкомъ согрѣться опасался, чтобы потомъ по пути въ гостинницу среди прохлады надвигавшейся сырой ночи не схватить

простуду... Ночь теперь. Море шумитъ и стонетъ. Мѣсяць сквозь дымку маленькихъ облачковъ озаряетъ и водное пространство необъятное и святую гору съ ея мирною совершенно затихшею обителью, разнообразя игрою нѣжно-серебристыхъ, блѣдно-голубоватыхъ лучей величественныя картины, отъ которыхъ не хочется оторвать взоръ, а духовнымъ окомъ своимъ все больше и больше прозрѣваешь величіе Творца всяческихъ и въ природѣ, и въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, отдавшихъ себя на служеніе Богу, — и открываются глубины собственного сердца, чтобы воспринимать въ себя вѣчную красоту, вложенную Вседержителемъ во все сотворенное, несущее трудъ свой во славу Господню, ту красоту, которая черезъ тайники духа человѣческаго восходитъ къ своему Первоисточнику въ слезахъ и молитвѣ восторга и умиленія; и чувствуешь, какъ „присущій міру Духъ обитаетъ въ душѣ человѣка“, когда „она обращена къ Богу и открыта непосредственному Его воздѣйствію“ (Наука и Религія, ст. 101).

Среда 12. Въ свѣтломъ созерцательномъ настроеніи почти совсѣмъ безъ сна прошли часы ночи до того времени, пока не началось движеніе въ гостинницѣ, указывавшее, что пора собираться къ полунощницѣ и утренѣ. Въ сумракѣ ночномъ началось восхожденіе къ собору. Бабы богомолки бодро обгоняютъ меня — ходока вообще порядочнаго, — видно для свободнаго восхожденія на гору высокую нуженъ навыкъ въ подвигѣ паломничества. Потомъ по ровной мѣстности я гулялъ часа полтора, хотя отстоялъ все утреннее богослуженіе, раннюю литургію и спутешествовалъ въ пещеру по довольно скользкимъ тропинкамъ, а въ гору и неутомленному идти было тяжело, ноги болѣли. Не такъ ли и въ подвигѣ „дѣятельнаго восхожденія“ къ Спасителю Богу? Нужно прочное самовоспитаніе, нужны укрѣпившіеся навыки многолѣтніе, чтобы, поднимая себя къ небу-небеси, не чувствовать гнета земли, не быть придавленнымъ къ ней тяжестію своей жизнедѣятельности. Не оттого ли иноки Ново-Аѳонскаго монастыря такъ быстро и легко восходятъ и спускаются по своей горѣ святой, что трудъ и молитвенный подвигъ составляютъ всю жизнь ихъ души и тѣла, въ которыхъ они стремятся прославлять Господа Бога?.. Послѣ полунощницы утреня началась въ 40 минутъ 3 часа ночи.

Свѣчи, даже поставленные богомольцами, потушены; храмъ въ сумракѣ, до пѣнія „Богъ Господь“ озаренномъ только кроткими лучами лампадокъ. Хотя начальные псалмы каждаго ради читались очень медленно, хотя тропарь былъ пропѣтъ—согласно уставу—трижды, хотя каѳизмы были прочтены сполна, хотя ирмосы повторялись, а катавасія пѣлась на каждой пѣсни, хотя послѣ второй части канона было возглашено поученіе къ народу, хотя положенные каноны читались цѣликомъ безъ пропусковъ, хотя торжественный припѣвъ праздника „Величай душе моя“ на 9-ой пѣсни клиръ повторялъ передъ каждымъ тропаремъ ея, хотя стихиры „на хвалитѣхъ“ исполнялись съ канонархомъ, хотя было „великое славословіе“, утренняя окончилась около 5 часовъ и все шло стройно, безъ замѣтной торопливости, на нашъ взглядъ—быть можетъ слишкомъ требовательный—заурядно пожалуй, во всякомъ случаѣ благоговѣнно и степенно. Прочно выработанные навыки богослужебнаго и клироснаго послушанія дѣлаютъ то, что совершенно нѣтъ совѣмъ ненужныхъ, вредныхъ для должнаго настроенія молящихся промежутковъ, перерывовъ, остановокъ которыми пѣвческіе хоры нашихъ приходскихъ и соборныхъ храмовъ обычно затягиваютъ совершеніе службъ Божіихъ... Къ ранней литургіи отправился въ церковь св. апостола Симона Кананита, находящуюся въ уединенномъ уголкѣ у подножія величавой скалы при входѣ въ Трахейское ущелье, и въ ожиданіи богослуженія невольно залюбовался громаднымъ орѣховымъ деревомъ, пріятно было видѣть и кроткія березки, такъ часто украшающія церковныя ограды родной Бѣлоруссіи, а журчанье воды изъ креста на фонтанѣ у храма и рокотъ находящагося неподалеку водопада навѣвали какое-то ободряющее успокоеніе... Литургія совершалась хотя быстро, но вполне истово и благоговѣнно іеромонахомъ съ золотымъ наперстнымъ крестомъ—однимъ изъ власть имущихъ въ обители—и іеродиакономъ, обладающимъ изряднымъ басомъ; только чтеніе и пѣніе клирошанъ оставляли желать лучшаго. Присутствовавшая въ церкви братія относилась ко мнѣ весьма почтительно: предложила мѣсто въ такъ называемой формѣ или стойкѣ, просила первымъ подходить ко кресту и святымъ иконамъ.—По окончаніи службы отправился любоваться водопадомъ. Надъ

нимъ вдѣлана въ скалу мраморная доска въ память посѣщенія этого мѣста 24 сентября 1888 года въ Бозѣ почившими Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ, и нынѣ благополучно здравствующими Государынею Императрицею Маріею Феодоровною и Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Внизу за водопадомъ виднѣется мельница, которая работаетъ его силою; взоръ манятъ образцово устроенные пруды, расположенные террасами, гдѣ вода переходитъ изъ верхнихъ въ нижнія вмѣстилища склоняясь къ морю и разнося струи свои по всему монастырю, выполняя многія трудныя работы. Черезъ мостикъ, потомъ по не легкому послѣ долгаго стоянія пути направился къ пещерѣ,—вотъ и пещера въ скалѣ, освященная—быть можетъ—подвигами кого-либо изъ первохристіанъ этой мѣстности, приведенная въ порядокъ и охраняемая заботами о. игумена монастыря; вотъ крестъ при началѣ источника, бурно стремящагося по крутому спуску и неровнымъ камнямъ; опять величавый шумъ водопадный на обратномъ пути, потомъ тихія воды верхняго пруда, самъ огромный водопадъ, наконецъ опять тихія массы водныя до самаго моря. Спускаешься около нихъ все ниже и ниже по такъ называемой „Царской аллеѣ“, по которой изволилъ шествовать Великій нашъ Царь-Миротворецъ съ Августѣйшею Супругою и Сыновьями Своими; чувствуется сильное утомленіе, но какъ хорошо утомленіе это, какъ свѣтло становится на душѣ отъ признанія, что благочестіе Царственныхъ Особъ пріемлется родною землею, внятно говорить русскому народу здѣсь, сливаясь съ благочестіемъ всей страны, что жертвы Ихъ златомъ и самоцвѣтными камнями многоцѣнными сливаются здѣсь съ мѣдными грошами простолюдина нашего на великую пользу церковно-государственнаго быта великаго по своему положенію и значенію учрежденія.

По прекрасной сухумской дорогѣ дошелъ до маленькой бѣдной деревни,—и какую противоположность монастырскому благоустройству хозяйственному представляетъ видъ ея, и несомнѣнно это благоустройство не остается безъ добраго вліянія на культурный строй окрестностей... Тепло настолько, что въ уединенномъ мѣстечкѣ моря купался какой-то мо-

нахъ. Нѣжный, пріятнѣйшій запахъ обратилъ на себя мое вниманіе, между тѣмъ никакихъ цвѣтовъ пахучихъ не виднѣлось; сталъ всматриваться и нашелъ совсѣмъ маленькое растеніе, почти незамѣтную былинку, распространяющую это благоуханіе. Подумалось, что и въ обители среди монашествующихъ, и въ толпѣ богомольцевъ не мало скрывается такихъ же скромныхъ, незримыхъ людямъ, но принятыхъ Господомъ, подвижниковъ, полныхъ благоуханія духовнаго... По состоянію организма желательно было освѣжить себя фруктами; направился въ монастырскую съѣстную лавку, но кромѣ лимоновъ тамъ никакихъ фруктовъ не оказалось,—ни винограда, ни сливъ, ни грушъ, ни яблокъ,—а сколько всего этого имѣется въ запасахъ монастырскихъ изъ собственныхъ садовъ. „У насъ не любятъ баловать себя и другихъ вкусными яствами“, сказали намъ,—значитъ таковъ монастырскій порядокъ, таковъ обычай. Подымать особенные хлопоты не хотѣлось,—внѣ монастыря у торговокъ можно было добывать грубоватый виноградъ, по качествамъ своимъ стоящій ниже не только крымскаго, но и бессарабскаго.—Къ вечеру опять восхожденіе въ соборъ на богослуженія. Вечерня малого праздника церковнаго шла стройно съ истовымъ пѣніемъ и чтеніемъ „Царю Небесный, Сподоби Господи“ и „Нынѣ отпускаеши“. Очень тихимъ замирающимъ голосомъ читалъ самъ почтеннѣйшій старецъ игумень Іеронъ со своего настоятельнаго мѣста, и едва слышные звуки святые таяли въ огромномъ храмѣ и, уходя въ куполь, казались уносились въ небеса. Молитву „Царю небесный“ здѣсь вообще на всѣхъ богослуженіяхъ принято читать іерею. Внятно отозвалось въ душѣ „Свѣте Тихій“. По вечернѣ предъ храмовою иконою св. великомученнику Пантелеймону былъ совершенъ акаѳистъ самимъ о. архимандритомъ съ двумя іеромонахами и двумя іеродіаконами; послѣдняя треть этого богослуженія шла съ высокаторжественнымъ пѣніемъ обоихъ ликовъ посреди церкви, заключительная молитва читалась безъ колѣнопреклоненія, стихира св. великомученнику благозвучно и умирительно исполнена, несущимся широкими волнами превосходнымъ распѣвомъ. На повечеріи акаѳиста не было, а прославленіе Креста Христова учинено было „на гласъ“ обычно. Въ общемъ настроенность душевная отъ богослу-

женія хорошая, значительно выше вчерашней.—Согласно правиламъ быта монастырскаго, общаго столованія вечерняго для всей братіи не было; въ трапезной находились только пѣвчіе, которымъ разрѣшалось ради трудовъ предстоящихъ подкрѣпить свои силы, стоялъ шумъ и галдѣніе разговаривавшихъ; общей молитвы не было,—войдетъ монахъ, помолится, поѣстъ, пошьетъ, помолится, уйдетъ. Я зашелъ въ трапезную, чтобы утолить жажду,—предложили воды съ виномъ; весьма любезно предложили и „потрапезовать“, но первы были сильно возбуждены, пищи не требовалось.

Четвергъ 13 и пятница 14 сливаются воедино, ибо ихъ соединило бодрствованіе, почти непрерывное. 13 литургію въ Покровской церкви, находящейся около гостиницы гдѣ я проживалъ, съ душевною простотою совершали весьма благообразнаго вида іеромонахъ и іеродіаконъ; но клирошане были слабы. При ознакомленіи съ братією монастыря, она обращаетъ на себя вниманіе большимъ разнообразіемъ типичныхъ представителей едва ли не всѣхъ народностей Руси православной и не внѣшнею только красотой и выразительностію многихъ отдѣльныхъ лицъ, а общимъ одухотвореніемъ, внутреннимъ просвѣтлѣніемъ выраженія ихъ. Прогуливаясь по отличному шоссе берегомъ моря до границы монастыря по направленію къ Гудауту, собралъ цѣлую коллекцію полевыхъ цвѣтовъ и растеній и любовался вложенною въ нихъ Творцомъ всяческихъ красотой. Поэтическую настроенность не разрушилъ даже видъ пасущагося большого стада свиного, необходимаго монастырю для его хозяйственнаго обихода. Ужъ очень прекрасно и грандіозно все вокругъ, и понятнымъ становится, какъ замкнутость была этой обители развиваетъ въ инокахъ всеобъемлющую любовь къ самому мѣсту ея, ко всѣмъ и ко всякому созданію Божію, даже къ растительному царству, даже ко храмамъ и зданіямъ, даже къ тропинкамъ и дорогамъ. Эта любовь и молитва объ всѣхъ и обо всемъ — силы, одушевляющія обитель, проявляющаяся въ нѣкоторыхъ чадахъ ея значительную степень развитія эстетическаго чувства и вкуса, тонкаго пониманія красотъ природы. Внутреннюю благолѣпноту этой поэзіи святой ощущаетъ, воспринимаетъ въ себя и нашъ богомалецъ,—поэтому кто отбиваетъ сердце

народа русскаго отъ монастырей, тотъ направляетъ, толкаетъ его во всякую мерзость нравственно-религіознаго растлѣнія, — въ толстовщину, штунду, хлыстовство и т. п.

Малая вечерня кануна праздника Воздвиженія Креста Господня выполнены обычнымъ стройнымъ порядкомъ съ простымъ пѣніемъ, только стихиры предъ „Нынѣ отпускаеши“ пропѣты были „на подобенъ“ величавымъ полнозвучнымъ аеонскимъ напѣвомъ. Опять едва замѣтно, какъ вздохи молитвы, расходилось по храму чтеніе о. игуменомъ: „Царю Небесный, Сподоби Господи, Нынѣ отпускаеши“; опять въ порядкѣ прошлаго дня прочитанъ былъ теперь на солеѣ акаѳистъ Страстямъ Христовымъ. Затихъ соборъ въ ожиданіи всеобщаго бдѣнія; изъ братіи остались только тѣ, кто занятъ былъ какими-либо дѣлами церковными или долженъ былъ наблюдать за порядкомъ; изъ богомольцевъ одни уединенно творили личную молитву, другіе озабочивались пріобрѣтеніемъ просфоръ, надписаніемъ на нихъ и на записочкахъ о здравіи и за упокой, покупали и приносили къ образамъ свѣчи; иные осматривали храмъ въ верхнихъ частяхъ его, не смотря на полумракъ и сумракъ: нѣкоторые расположились отдохнуть вокругъ собора и въ самомъ соборѣ, гдѣ было поудобнѣе, и молитвенно вздыхали или тихо переговаривались между собою; кое-кто прилежъ и даже уснулъ; подъ высокими сводами стоялъ общій гулъ, среди котораго нельзя было уловить отдѣльных звуковъ чьей-либо рѣчи; все напоминало глубокою старину, обычаи благочестія старыхъ временъ... Вотъ здѣсь „Востаните“ имѣло бы свой прямой смыслъ, если бы бдѣнію не предшествовало малое повечеріе, начавшееся въ восемь часовъ при полномъ стеченіи богомольцевъ. Невольно вспоминалось, какъ въ нѣкоторыхъ городскихъ храмахъ у насъ при началѣ вечерняго богослуженія иногда почти нѣтъ къ кому обратитъ съ приглашеніемъ встать... Всеобщее бдѣніе продолжалось отъ сорока минутъ девятаго до половины третьяго. Въ слабо освещенномъ храмѣ наступило глубокое молчаніе; на средину вышелъ еклисіахръ и, поставивши подсвѣчникъ съ большою зажженною свѣчею, возгласилъ „Востаните,“; присѣвшіе были въ формахъ встали; два монаха обошли молящихся, окропляя ихъ изъ большихъ сосудовъ розовою водою; очередной іеромонахъ въ мантии

и епитрахили совершилъ кажденіе храма и предстоящихъ среди полнѣйшей тишины, остановился предъ амвономъ и возгласилъ „Господи благослови“, затѣмъ предъ престоломъ: „Слава Святей“, и началась всеобщая, при чемъ стихи предначинательнаго псалма не только пѣлись, но и читались. На меня это кажденіе молчаливое, безъ святильника, потомъ перемежающееся чтеніемъ пѣніе „Благослови душе моя Господа“ не произвели сильнаго воздѣйствія, не дали умильнаго или свѣтлопраздничнаго настроенія,— обычное общерусское торжественное начало бдѣній дѣйствуетъ сильнѣе. Предъ началомъ богослуженія я заявилъ о своемъ желаніи принять въ немъ участіе, и предъ вечернимъ входомъ меня пригласили въ ризницу для облаченія. Только одинъ о. настоятель, совершавшій его съ двѣнадцатью сослужащими въ іерейскомъ санѣ и нѣсколькими іеродіаконами, облачился въ алтарѣ; распорядителемъ мнѣ указано было первое мѣсто по правую руку предстоятеля. На литію и благословеніе хлѣбовъ выходили при закрытыхъ царскихъ вратахъ только очередной іеромонахъ съ іеродіакономъ, — получилось нѣчто постовое, а не высокоторжественное. По благословеніи хлѣбовъ было положенное чтеніе, которое предлагалось мнѣ; я отклонилъ отъ себя эту честь. Но очевидно у представителей братіи явилось сильное желаніе такъ или иначе привлечь меня къ назиданію присутствующихъ во храмѣ, — мнѣ немного спустя, предложили прочесть послѣ первой каѳизмы краткое поученіе; я откровенно сказалъ почтеннѣйшему брату, что давно никакихъ печатныхъ и вообще чужихъ поученій не читаю, ибо привыкъ къ свободной импровизаціи на церковной каѳедрѣ. Отошелъ инокъ, — но вскорѣ возвратился съ усерднѣйшею просьбой, чтобы я сказалъ проповѣдь вмѣсто предложеннаго чтенія, и, хотя ссылаясь я и на утомленіе, и на необычайность обстановки и состава слушателей, и на полнѣйшую неподготовленность въ данныя минуты къ проповѣданію слова Божія, просьбы настолько были настойчивы, что отказать нельзя было. Пока читалась каѳизма, востепенувшаяся душа начала свою работу мысли и чувства надъ предстоящимъ словомъ, подошелъ братъ: „пожалуйста—говорить—приспѣло время“; вышелъ я на солею, волна народная прильнула къ ней, монашествующіе зашевелились

въ своихъ стойкахъ, благословясь, началъ: И призвавъ народы со учениками своими, рече имъ: иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ (Мар. VIII, 34). Говорилъ объ общехристіанской обязанности каждаго народа и каждаго изъ насъ нести крестъ свой за крестомъ Христовымъ, о народѣ русскомъ неизмѣнномъ крестоносцѣ, о высшихъ подвигахъ крестоношенія въ обителяхъ святыхъ, куда и богомольцы паломники несутъ кресты свои со всей родной земли, о Ново-Аѳонскомъ монастырѣ, какъ крестоносцѣ русскомъ на окраинѣ православнаго отечества нашего; говорилъ примѣнительно къ мѣсту и слушателямъ, какъ Господь Богъ положилъ на сердце... Поіелелей и величаніе съ полнымъ велелѣпіемъ совершены всѣми сослуживцами; особенную умиленность придавъ этой части бдѣнія обычай всѣмъ молящимся стоять съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а у насъ и въ Вербное воскресеніе все меньше и меньше видимъ этихъ святыхъ огоньковъ во храмахъ... Во время пѣнія величанія и при чтеніи Евангелія надъ почтеннѣйшимъ о. архимандритомъ держали рипиды — особенность, о которой мнѣ не приходилось и слышать, ибо она не принята у насъ даже при архіерейскихъ служеніяхъ всенощныхъ бдѣній. По шестой пѣсни канона однимъ изъ монаховъ было прочитано краткое поученіе. Предъ девятою пѣснію мнѣ и находившимся вблизи меня іеромонахамъ были поданы свѣчи, — обычай благой и знаменательный, указывающій на необходимость особеннаго озаренія себя самаго внутреннимъ свѣтомъ благоразумія... Вполнѣ по чину и съ великимъ благообразіемъ совершилъ о. архимандритъ воздвиженіе креста святаго; но непосредственное участіе въ этомъ многозначительномъ особливомъ дополненіи богослуженія праздника — по обычаю монастырскому — приняли только я и три іеромонаха съ іеродіаконами. Пѣніе въ общемъ не особенно удовлетворило меня, быть можетъ вслѣдствіе ожиданій большаго, даже стихиры Кресту были обычно гласовныя; только первая великая и первая сугубыя эктеніи плѣнили душу своимъ особеннымъ монастырскимъ напѣвомъ, — впрочемъ и труда бдѣннаго, и чтенія, и пѣнія, и стоянія у клирошанъ было очень много. — Довольно легко справился я съ этимъ необычнымъ бодрствованіемъ во

всю ночь. Предложеніе принять участіе въ совершеніи поздней литургіи я отклонилъ и выразилъ желаніе по рану отслужить обѣдню въ древнемъ храмѣ св. апостола Симона Кананита, на что послѣдовало полнѣйшее согласіе, хотя не безъ нѣкотораго удивленія мірскому священнику, не желающему дать себѣ роздыха, ибо для этого оставалось слишкомъ мало времени. — Громадною толпою богомольцевъ, наполнявшею соборъ всю службу, даже когда происходило елеопомазаніе во время канона и въ концѣ всенощной прикладывались ко кресту, распоряжался всего одинъ монахъ и ему всѣ безусловно, безпрекословно, безропотно повиновались. А у насъ и при сравнительно небольшомъ стеченіи народа что дѣлается во храмахъ? Ни требованій полиціи, ни просьбъ духовенства не желаютъ знать, не желаютъ слушать, — домъ Божій дѣлаютъ вертепомъ разбойниковъ.

Немного поотдохнулъ и направился въ уединенную Симоно-Кананитскую церковь для совершенія ранней литургіи. Тамъ совсѣмъ можно было позабыть, что находишься въ обширной обители, наполненной молящимися, — безмолвіе и безлюдіе какъ въ отдаленной укронной пустынькѣ, — нѣсколько говѣвшихъ и явившихся для принятія святыхъ таинъ монаховъ и три—четыре десятка пришлецовъ. Мои и діаконскія возглашенія, скромное пѣніе и чтеніе, общее моленіе возносилось среди полнѣйшей тишины и сумрака, окружавшихъ церковь, только неизбѣжные на каждомъ шагу въ Новомъ Аѳонѣ кипарисы заглядывали въ окна, да постоянный голосъ водопада совнѣ доносился къ намъ, какъ нѣкоторый откликъ мірской жизни, отзвукъ тѣхъ житейскихъ попеченій, вполнѣ отложить которыя нельзя и среди службъ Божіихъ при молитвенномъ воспоминаніи всѣхъ тѣхъ и всего того, о комъ и о чемъ возносишь моленія къ Небу... Тишина, миръ льются въ душу, и какъ будто слышишь призывъ присныхъ сердцу, живущихъ на землѣ и отошедшихъ въ вѣчность, воздохнуть о нихъ предъ Безкровною Жертвою... Море страшно бушуетъ, стонетъ, грозными валами набрасывается на землю, выгоняя воду чуть ли не до самой гостинницы. Служившій со мною литургію о. іеродіаконъ Власій сообщилъ, что къ срочному пароходу обитель не будетъ высылать лодокъ за пассажирами, — и дѣйствительно пароходъ, не останавливаясь, про-

шелъ мимо, потому что на монастырской пристани былъ выставленъ красный флагъ, какъ указаніе на невозможность сообщенія съ берегомъ. Спалъ всего одинъ часъ, но сильнаго утомленія не чувствовалъ и отправился въ соборъ къ поздней обѣднѣ.

Высокопоздравительно съ большимъ сонмомъ сослужащихъ была совершена она о. архимандритомъ; но въ пѣніи клировъ своеобразнаго, характернаго совѣмъ мало слышалось, почти не отличалось оно не только отъ обычнаго общемонастырскаго, но и отъ общеприходскаго хороваго своимъ выборомъ пѣсь. Съ величавою силой и теплотой исполнено было вмѣсто причастнаго: „Днесъ Владыка“ по древне-русскому, впрочемъ во всякомъ хорошемъ хорѣ употребительному, распѣву, а затѣмъ канонъ „Крестъ начертавъ Моисей“ прошелъ слабѣе чѣмъ на всенощномъ бдѣніи, даже съ нѣкоторою заминкою въ началѣ. Въ порядкѣ произношенія іереями возгласовъ не могло не обратить на себя вниманія то обстоятельство, что не ближайшіе только къ предстоятелю сослужители исполняютъ эту обязанность, а всѣ по порядку до послѣдняго. По окончаніи литургіи я вмѣстѣ со всею участвовавшею въ богослуженіи братією приглашенъ былъ на чай къ старцу игумену, который является весьма замѣчательнымъ самородкомъ русскаго духа. Семидесятилѣтній старецъ кажется совѣмъ испостился, истомился, утрудился, ослабъ отъ хлопотъ и заботъ; но держится прямо, ровно, какъ институтка стараго воспитанія, выносливъ необычайно, закалилъ себя для многотруднаго и многополезнаго дѣланія, какъ будто ни годы, ни труды, ни заботы, ни подвиги иноческаго житія не легли на старыя кости, и повсюду въ обители сказывается творческая сила практическаго генія настоятеля, отъ малаго до великаго повсюду даетъ себя знать его развивающая дѣловитость рука: и въ пещерѣ, и въ прекрасныхъ шоссеиныхъ дорогахъ и тропинкахъ, и въ узкой колѣйкѣ желѣзной дороги для перевозки тяжестей, и въ прекрасно устроенной пристани, и въ каждомъ зданіи, и въ машинахъ, и въ подчиненіи монастырю водной силы, скаль, земли, всего, что въ нихъ и на нихъ, и въ административномъ подчиненіи настоятельскому слову, настоятельскому взгляду всей братіи, и во взаимномъ общеніи ея

между собою. Не „авось да небось“, а „молитвами святыхъ отецъ“, во славу Божію, на пользу обители, русской церкви, родной страны со всеусердіемъ работаютъ здѣсь Господеви со страхомъ и радуются Ему съ трепетомъ старецъ игумень, а съ нимъ и за нимъ и вся братія монастыря... Мнѣ было предложено мѣсто за столомъ около о. Іерона, монашествующіе размѣстились поодаль, и отраднo было за чайкомъ побесѣдовать со старцемъ Божіимъ. Рѣчь шла объ отошедшемъ въ вѣчность Великомъ Государѣ нашемъ Александрѣ III и посѣщеніи имъ монастыря, о преосвященномъ архіепископѣ Никанорѣ, по выраженію о. Іерона, „любившемъ настоящее монашество наше“, о личности и дѣятельности бывшаго Экзарха Грузіи Павла, который въ 1885 году освятилъ въ Пицундѣ Успенскій соборъ, разумѣется и объ устроеніи Новаго Аѳона, его жизнедѣятельности, задачахъ, духѣ и направленіи, надеждахъ и чаяніяхъ. Воспоминанія о царскомъ посѣщеніи, объ истинно-русскомъ благодушіи помазанника Божія, о царственной простотѣ рѣчи и обращенія, о свѣтломъ настроеніи во все время продолжительнаго осмотра обители, о тонкости сужденій и теплотѣ чувства, какія проявлялись въ бесѣдѣ, объ искренности благочестія истинно-русскаго духа Самодержца—наполняетъ сердце о. Іерона; воспоминаніями обо всемъ этомъ полонъ Новый Аѳонъ; всерадостная, всепреданнѣйшая память посѣщенія этого записана въ обители не на мраморныхъ только скрыжальяхъ золотыми буквами, а въ золотыхъ сердцахъ русскихъ иноковъ ихъ собственной кровію. Отраднo вспомнить это... Здѣсь, какъ и вообще у святыхъ земли родной, благочестіе царей нашихъ видимо народу, воспринимается его сердцемъ, оживляетъ его благочестіе; а сила народнаго благочестія—сила Божія, и благо тому государству, гдѣ возношеніе души къ небу охватываетъ всѣ стороны его жизнедѣятельности, объединяетъ всѣхъ отъ великихъ и сильныхъ міра до самыхъ простыхъ, немощныхъ, худародныхъ. — Личность своего старца-игумена новоаѳонца окружаютъ не только обычнымъ уваженіемъ, а какимъ-то благоговѣніемъ; онъ является не только образцомъ неутомимости въ трудахъ, безъ проявленія какихъ-либо личныхъ стремленій и интересовъ для каждаго, занимающаго тотъ или иной постъ въ управленіи обительскомъ, но

и образец для всѣхъ монаховъ постническаго, трудническаго и молитвеннаго подвига всегда и вездѣ, — и за братскою трапезою, и въ пребываніи на продолжительныхъ богослуженіяхъ, и въ настоятельскомъ воздѣйствіи на бытъ монастыря, и въ личной келейной жизни своей. Весьма важно, что такой во иночествѣ благоскорбящій отецъ обители-игуменъ, а затѣмъ и ближайшіе его сотрудники, да и вообще братія имѣютъ возможность сосредоточиваться на тѣхъ вопросахъ быта обители и ея дѣлахъ, какіе составляютъ дѣланіе cadaго; стоитъ инокъ на продолжительномъ богослуженіи и во время чтенія—напримѣръ—каѳизмъ, уходя въ себя все глубже и глубже, не можетъ иногда не отдаться размышленію о своихъ прямыхъ обязанностяхъ трудовыхъ, душа просвѣтляется, являются идеи, предначертанія, предположенія, воздохнетъ инокъ ко Господу Богу и получается то „озареніе, осѣненіе“, которое открываетъ возможность примѣнить свои идеи и намѣренія на дѣлѣ... Всмотриваешься по внимательнѣе въ лица старшихъ по положенію монаховъ, — у всѣхъ печать мысли во всемъ обликѣ, выраженіе вдумчивое, серьезно-трудовое, изнутри освященное; у всѣхъ вѣрность своему званію и призванію, преданность своей обители и своему дѣланію въ ней; у всѣхъ смиреніе,—при богослуженіи іеромонахи становятся по старѣйшинству рукоположенія, и не по должностямъ; никто ни отъ какого — даже совсѣмъ грубаго — труда на пользу обители не отказывается, ибо трудъ этотъ унижить не можетъ; положенія высокаго, которое давало бы возможность къ гордости и самовозношенію нѣтъ,—воля игумена можетъ уничтожить кичливость, поставить изъ начальника въ подчиненные, отъ труда умственнаго или административнаго удалить къ самому простому физическому... Одинъ изъ высшую власть имущихъ іеромонаховъ, какъ самый простой послушникъ даже безъ рясы въ одномъ подрясникѣ, занимался продажей въ иконно-книжной лавкѣ въ праздничный день, хотя сильно былъ утомленъ продолжительнымъ богослуженіемъ, въ которомъ принималъ непосредственное участіе. Не сразу я узналъ почтеннаго отца, хотя раньше познакомился съ нимъ, и не могъ не высказать удивленія. „Вижу дѣла много, трудно съ нимъ справиться,—нужно помочь“,—получился простой отвѣтъ.—

Когда, дѣлясь впечатлѣніями, я привелъ о. Іерону свое сравненіе инокъ съ кипарисами, онъ вполне раздѣлилъ мою мысль: „И я такъ говорю,—и какъ хорошо растутъ у насъ кипарисы“, со свѣтлою улыбкой промолвилъ онъ... Кончилось скромное чаепитіе; всѣ направились въ соборъ, откуда по надлежащемъ облаченіи о. настоятеля, началось торжественное „со славою“ при пѣніи тропаря и трезвонѣ „во вся тяжкая“, шествіе въ трапезу. Тамъ все въ высшей степени „благообразно и по чину“—каждое обращеніе за благословеніемъ, каждое движеніе, каждый ударъ въ стоявшій противъ игумена и очереднаго іеромонаха звонокъ, каждое молитвенное возгласеніе, ясное, отчетливое чтеніе церковнаго назиданія, полнѣйшее отсутствіе разговоровъ, строгоустановленныя яства и разрѣшаемая красоуля. Даже жутко становилось отъ этого безмолвія окружающихъ, представлявшую рѣзкую противоположность мірскимъ столованіямъ, и отъ столовъ, занятыхъ принимавшими участіе въ трапезѣ богомольцами, доносились тихіе, теплые вздохи... Встали отъ стола, совершили „чинъ панагии“, вкусили благословеннаго хлѣба въ честь Богоматери, изъ величавой трапезной торжественно возвратились въ величественный соборъ, гдѣ совершено было краткое молебствіе (литія) и великое съ громкимъ трезвономъ многолѣтствованіе, отлично провозглашенное вторымъ діакономъ, обладающимъ болѣе сильнымъ и благозвучнымъ, чѣмъ у о. архидіакона голосомъ; разоблачился о. архимандритъ, простился и удалился въ свою настоятельскую келью.

Суббота 15. Море хотя и бушуетъ изрядно, однако малость поуспокоилось, и крымскій пароходъ доставилъ богомольцевъ; отъ Батума же не показывалось ни одно судно,—по справкамъ буря была тамъ настолько сильна, что задержала правильность движенія.—На литургіи въ Покровской церкви клирошане и въ маломъ слабоватомъ составѣ сдумѣли усладить душу „Херувимской“ и „Милость мира“ древняго распѣва.—Покупая печатные альбомы съ литографическими видами монастыря, мы высказали сожалѣніе, что они не фотографическіе, что нѣтъ и хорошаго большого снимка всего Новаго-Авона. „Своей фотографіи не имѣемъ,—старецъ не желаетъ,—мірское дѣло; зоро получимъ снимки, заказанные фотографамъ“, отвѣ-

тили намъ. Понятно, что для строгаго подвижническаго строя монастырской жизни собственная фотографія, гдѣ каждый инокъ можетъ поддаться искушенію имѣть свой портретъ, могла бы служить предметомъ нѣкотораго соблазна, хотя иногда заѣзжіе фотографы снимаютъ желающихъ изъ братіи. Около прудовъ разговорился съ однимъ инокомъ о значеніи для монастырскаго хозяйства водной силы, которая приведена въ систему и теперь много работаетъ, замѣняя и облегчая трудъ человѣческой, а въ будущемъ станетъ работать еще больше, да и самому пришлось видѣть, какъ—напримѣръ—въ просфорнѣ все приготовленіе тѣста является дѣломъ воды, которую люди только направляютъ. Говорятъ о большихъ предположеніяхъ дальнѣйшаго примѣненія силы водопада для благоустроенія обители и прежде всего объ электрическомъ освѣщеніи въ ней, которое—по словамъ почтеннѣйшаго о. эконома—будетъ устроено въ 1902 году. На мой вопросъ одному изъ скромныхъ иноковъ, какимъ образомъ предполагаютъ устроить электричество, послѣдовалъ задушевно-безхитростный разговоръ о томъ, какъ на Новый Аѳонъ пріѣзжалъ принцъ Ольденбургскій съ г. министромъ Хилковымъ и, любуясь водопадомъ, указалъ о. Іерону на необходимость и удобство вмѣсто дорого стоящаго и мало свѣта дающаго керосина устроить электричество; какъ о. игуменъ указалъ принцу на скудность монастырскихъ средствъ, не позволяющую въ близкомъ будущемъ сдѣлать сразу большую затрату на это дѣло; какъ принцъ рассказалъ, что въ Петербургѣ для Зимняго дворца вмѣсто не совсѣмъ подходящей динамо-электрической машины устраивается новая болѣе совершенная, а старая еще не получила назначенія, и обѣщаль попросить у Государя Императора старую машину для монастыря; какъ вскорѣ оказалось, что обѣщаніе исполнено, просьба благосклонно принята,—и монастырь получилъ машину. Дѣйствовать она будетъ силою водопада,—былъ уже электротехникъ, осмотрѣлъ все, но уѣхалъ на какія-то спѣшныя работы. „Пріѣзжайте къ намъ на будущей годъ и увидите, какъ наше электричество будетъ освѣщать пристань, дороги, дворы,— всю нашу гору“,—закончилъ свою рѣчь мой собесѣдникъ. „Потомъ мы и во внутрь своей горы заберемъ“, прибавилъ онъ и рассказалъ, что въ ней на весьма близкомъ разстоя-

ніи отъ поверхности найденъ прекрасный каменный уголь, а другая гора полна металловъ,—бѣлаго на подобіе серебра и свинца и желтаго,—которые отправлены въ Тифлисъ для изслѣдованія.

Часто перепадавшій дождь помѣшалъ взобраться на вершину Иверской горы,—пришлось отправиться въ монастырскіе сады, куда манило желаніе вдоволь и вблизи любоваться рѣдкостями растительнаго царства, являющаго красоту и силу свою подъ умѣлымъ уходомъ монашеской руки. Кедръ ливанскій и китайскій, рошица свѣжихъ лимонныхъ, апельсинныхъ, померанцевъ и цитронныхъ деревьевъ, обильно покрытыхъ плодами, плоды на финиковыхъ пальмахъ и бананахъ, растущихъ въ грунту, японскія деревья съ приторно сладкими плодами, по внѣшнему виду своему напоминающими оранжевые помидоры, тропическія и сѣверныя растенія, рвущіяся къ небу исполины и ничащіяся къ землѣ маленькія былинки,—все растетъ во славу Божію и на пользу, усладу, украшеніе обители. „Какъ вамъ удалось добиться плодовъ отъ пальмовыхъ и банановыхъ деревьевъ?“ спросили мы послушника, знакомаго насъ съ рѣдкостями сада. „Хорошо у насъ... Помолимся, посадимъ, ухаживаемъ съ молитвою, Богъ благословляетъ,—все растетъ, цвѣтетъ и плодъ даетъ“,—получился отвѣтъ вмѣстѣ съ предложеніемъ взять себѣ на память скромныя вѣточки лаванды и иссопа. Эти вѣточки не эмблема ли самихъ тружениковъ садоводовъ монастырскихъ,—подумалось намъ. Каждый братъ на этой полной красоты горѣ въ скромной долѣ своей, въ маломъ дѣлѣ своемъ не можетъ не чувствовать, что Божественный разумъ создалъ эту красоту, эту силу и управляетъ міромъ; не можетъ не чувствовать присутствіе Творца и Промыслителя и въ собственной душѣ своей, стремящейся къ Небу, къ высшему совершенству, къ красотѣ вѣчной, иногда быть можетъ и безсознательно сливаясь съ природою въ прославленіи Бога, соединяя въ себѣ міръ видимый и невидимый.. Вспомнились слова „Науки и Религіи“: „Только увѣренность, что міръ управляется всемогущимъ Разумомъ и что въ немъ царствуетъ Правда, способна возвысить человѣка надъ всѣми превратностями жизни и дать ему несокрушимую силу для исполненія добра“ (164), а Все-

могущему всецѣло отдаетъ себя Новый Аѳонъ, почему и процвѣтаетъ. „Богъ любить правду“, говоритъ наша народная мудрость, и правда Божія, которая возвышаетъ любящей ее народъ, возвышаетъ и обитель; потому что „тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“, тамъ блюдутъ правду. „Правдивъ нашъ старецъ, насквозь человѣка видитъ“,— говорятъ иноки о своемъ игуменѣ, и взаимоотношенія ихъ между собою, отношенія къ гостямъ чужды фальши, искаательства, мірскаго человѣкоугодничества, просты, спокойны; поэтому все чуждое стремленію жить по правдѣ въ постоянномъ трудѣ не можетъ привиться здѣсь. Появится въ обители неподходящій пришелецъ, поживетъ, къ дѣлу не пристроится, къ жизни монашествующихъ не привѣтся, да и удалится. Видѣли мы подобнаго субъекта въ монашескомъ одѣяніи, который безъ всякихъ занятій болтался повсюду. „Это изъ вашей братіи“, спрашиваемъ? „Какъ можно; такъ себѣ непутящій,—пришелъ къ намъ съ другихъ мѣсть, говорить, что желаетъ у насъ пристроиться; куда ни поставятъ, вездѣ плохъ, правды въ немъ не видно ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ,—такъ и остался не при чемъ; поживетъ—поживетъ, да и уйдетъ откуда пришелъ“, отвѣтили намъ. „Ну, а отъ богомольцевъ искушеній не бываетъ?“—спрашиваемъ. „Какъ вамъ сказать. Богомольцы внизу, мы наверху; по гостинницамъ братія испытанная, надзоръ тоже строгій; простые люди свято чтутъ обитель и ея порядки, насъ слушаются; свѣтскіе бары тѣ, которые пріѣзжаютъ только полюбопытствовать, а не помолиться,—могутъ и не православные,—уѣзжаютъ очень скоро,—побѣгаютъ, поглазѣютъ, погалдятъ и на пароходъ... Вамъ скажу,—гдѣ люди—тамъ и грѣхъ: гостила у насъ какъ-то одна духовная особа и давай явно упражняться въ табакокурени, и богомольцамъ соблазнъ и братіи преткновеніе; остановить нельзя, боязно, а тягота большая“,—получился отвѣтъ... Пора и о пути обратномъ подумывать; тѣ посѣтители монастыря, которые надѣялись, которымъ нужно было сегодня на пароходъ, ходятъ сумрачные, тоскливо всматриваясь въ далекій горизонтъ, въ буквальномъ смыслѣ—сидятъ у моря и ждуть погоды. Хотѣлось бы завтра оставить Новый Аѳонъ, чтобы выполнить предписанное врачомъ виноградолюбченіе въ Крыму и Бессарабіи. Воздохнулъ ко Господу въ прекрасныхъ малыхъ

храмахъ верхней обители и на скромномъ, но внятно говорящемъ сердцу, кладбищѣ; ознакомился съ нѣкоторыми хозяйственными учрежденіями монастыря: все хорошо, повсюду разумный трудъ души свѣтлой, явноносящей на себѣ благословеніе Всевышняго. Но не внѣшнее преуспѣяніе Новаго Аѳона занимало меня, а потому и не описывается оно подробно и обстоятельно въ моихъ наброскахъ: проявленія духовнаго міра, внутренней силы народной внятно говорили сердцу нашему и въ связи съ высокимъ воздѣйствіемъ окружающей природы заставляли забывать суету мірскую, и вся высокая культурно-хозяйственная, рациональная дѣятельность монастырской общины казалась только необходимымъ придаткомъ къ подвигу духовному православно-христіанскому.

Воскресенье 16. Среди богомольцевъ нашей гостиницы я сталъ свой человѣкъ—„нашъ батюшка“, вслѣдствіе постоянного общенія главнымъ образомъ въ столовой за общими обѣдами и ужинами, гдѣ, по приглашенію о. іеродіакона Власія, я принялъ на себя обязанность благословлять трапезу и заканчивать ее молитвословіями, согласно принятымъ здѣсь монастырскимъ обычаямъ. Въ толпѣ этихъ сосѣдей своихъ поднялся въ соборъ къ полунощницѣ, которая начата была въ $\frac{3}{4}$ 2 часа ночи; послѣ ея утренняя продолжалась отъ $\frac{1}{4}$ 3 до $\frac{3}{4}$ 5 и совершена была со строгимъ выполненіемъ устава, съ двумя положенными чтеніями. Хотя ничего выдающагося, сильно дѣйствующаго на душу не было; но самая продолжительность монастырскихъ богослуженій несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для народа, выдѣляющаго изъ трудовой жизни своей извѣстное время для всецѣлаго служенія Богу, изъ трудовой копѣйки своей частицу въ жертву Богу, и любить народъ православный—и помолиться умиленною душею и сокрушеннымъ сердцемъ, и многими вздохами облегчить душу свою, и настояться до изнеможенія, и послушаться святыхъ словесъ вдосталь, и видѣть предъ собою подвижниковъ благочестія, чтобы въ храмѣ, отдавшись его обстановкѣ и службамъ въ немъ, забыть всю мірскую суету и почувствовать освѣжающее внутренняго въ насъ человѣка утомленіе плоти отъ служенія духу... На поздней литургіи, ровно въ $\frac{1}{2}$ 9 о. игуменъ старческимъ своимъ голосомъ

трогательно возглашаетъ: „Благословенно царство“, а въ $\frac{1}{2}$ 11 онъ, окончивши богослуженіе, оставилъ соборъ. На маломъ входѣ „Блаженны“, пѣлись какъ стихи—припѣвы для положенныхъ чтеній; „Приидите поклонимся“ велегласно выполнено было архіерейскимъ распѣвомъ,—первая часть духовенствомъ, вторая хоромъ; всѣ повходные тропари и кондаки были пропѣты попеременно обоими хорами клирошанъ, прочтены три апостола и три евангелія; „Милость мира“—одно изъ общеупотребительныхъ во всѣхъ хорахъ земли русской; вмѣсто причастна обычное „Крестъ начертавъ Моисей: но „Херувимская пѣснь“ древнецерковнаго распѣва, впервые слышаннаго, полными, широкими, могучими волнами влекущая духъ къ Небу, представляла такое сочетаніе звуковъ святыхъ, воспринимая которые „плакать хочется, молиться“... Звуки эти какъ-то особенно соответствовали всему строю службы Божіей, всей обстановкѣ ея въ величественномъ монастырскомъ храмѣ, даже—быть можетъ—всей внутренней и внѣшней жизнедѣятельности обители святой... Глубоко растроганы были—чувствовалось—всѣ,—вотъ тутъ бы, чтобы благое воздѣйствіе не ослаблялось, вмѣсто слишкомъ обыденно-простаго „Подай Господи“ на просительной эктениі дать духовному слуху молящагося тѣ умиленные вздохи, тотъ молитвенный стонъ, какіе введены были въ Одессѣ въ Бозѣ почившимъ архіепископомъ Никаноромъ... Здѣсь же выходило—послѣ скобеля топоромъ,—цѣлостность нарушалась, подъемъ чувства начиналъ ослабляться. У правящихъ монастырскими хорами несомнѣнно есть знаніе и умѣніе, есть смыслъ и душа въ исполненіи, и нѣжногармоничное, тихомолитвенное сладкозвучіе, и сила удара по нервамъ и сердцу,—не хватаетъ только художественно-творческаго объединенія всего пѣнія всей службы, полной цѣлности, чистой старинны древнецерковной россійской или аеонско-монастырской. Сила полнаго впечатлѣнія, сила воздѣйствія на душу этой „Херувимской“ быть можетъ и отъ того достигла высшаго напряженія, что вообще осмысленное пѣніе однихъ мужскихъ голосовъ „на большихъ“, безъ „пискалокъ“-дискантовъ и альтовъ мальчишекъ, всегда особенно внятно говоритъ сердцу, приводя на память собственное семинарское и студенческое пѣніе подъ непосредственнымъ управленіемъ не-

забвеннаго начальника хоровъ — Никанора. Остается и для Новаго-Аеона пожелать подобнаго ему регента, чтобы благимъ силамъ монастырскихъ хоровъ дана была высшая школа, высшая степень изящества идейнаго и идеальнаго. Толпа молящихся сейчасъ же особенно шевельнется, быстро насторожится, лишь только слуха ея коснется подобное пѣніе, замѣтно растетъ ея молитвенное одушевленіе, выраженіе всѣхъ лицъ становится умиленнымъ; всѣ—и представители Руси великой и малой, и кубанскіе казаки, и различные кавказскіе туземцы, и прекрасно стоящіе во храмѣ ученики церковно-монастырской школы—охватываются одною волною высокихъ звуковъ и единодушно славятъ Бога и Отца всѣхъ... Такъ было на литургіи; такъ было и послѣ вечерни во время акаѳиста, когда въ послѣдней части его глубокоумилительно воспѣвались: „Радуйся, Радосте наша“ и „Аллилуія“, такъ было, когда затѣмъ понеслись подъ сводами собора величественные звуки стихиръ. „Дѣва днесь предстоить церкви“, когда съ теплыми слезами молитвы всѣ склонялись предъ чудотворною иконою Матери Божіей „Избавительницы“...

III. На обратномъ пути.

Вторникъ 18. Море бушуетъ, качка довольно сильная, много страждущихъ, пароходъ смѣло борется съ волнами... Вчера съ утра сдѣлалось извѣстно, что придутъ пароходы и „Русскаго“ и „Россійскаго“ обществъ. Богомольцы толпою двинулись къ находящимся у воротъ нижняго монастыря агентствамъ и начали осаждать завѣдывающихъ ими монаховъ. Помолвившись на литургіи въ придѣлѣ Архангела Михаила Покровской церкви и принявши рѣшеніе отправиться въ обратный путь на первомъ суднѣ, какое придетъ, поднялся въ соборъ для послѣдней молитвы тамъ, чтобы призвать благословленіе Божіе на предстоящее плаваніе: поклонился особенно чтимымъ святынямъ,—чудотворному образу „Избавительницы“, частицѣ мощей и иконѣ св. великомученика Пантелеймона и др.; выслушалъ совершенный для богомольцевъ молебенъ, имѣвшій ту особенность, что читалось нѣсколько евангелій, положенныхъ каждому святому, имя котораго возглашалось на

припѣвахъ; воздохнулъ ко Господу у Симоно-Кананитскаго храма, позадумался надъ водопадомъ подъ шумъ его и по „Царской аллеѣ“ спустился въ гостинницу укладывать вещи... Радужно встрѣтила насъ обитель, радушно и провозжала, — въ прощаніи знакомыхъ иноковъ слышалась теплота сердечная. Дали знать, что приближается съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаемое судно; подошло оно, остановилось; на монастырскихъ прекрасныхъ баркасахъ, управляемыхъ монахами, доставили насъ на него; скоро окончилась обычная предъ отправленіемъ суета, — дрогнулъ пароходъ и началъ рѣзать волны морскія. Новый Аѳонъ сталъ уходить изъ глазъ, а душа съ искреннимъ чувствомъ благодарности и вздохами молитвы все еще оставалась тамъ... Не все позволила погода осмотрѣть, какъ хотѣлось; иное — напримѣръ Иверская гора — осталась недоступнымъ; осенній дождикъ надоѣдалъ подчасъ, нагонялъ сумракъ душевный, ложился гнетомъ на утомлявшееся тѣло; но свѣтъ духовный и отраду сердцу дало пребываніе въ обители, — весь внутренній челоуѣкъ встрепенулся, а усталость тѣла быстро проходила и теперь почти не даетъ знать о себѣ; если и чувствуется нѣкоторая слабость организма, она далеко не такая, какую даетъ сутолока базара житейской суеты; собственное духовно-нравственное самочувствіе просвѣтлѣло, очистилось, окрѣпло, явилась бодрящая увѣренность и согрѣвающее упованіе, что если вообще христіанство даетъ ученіе объ абсолютномъ, о Богѣ въ такой полнотѣ и съ такою глубиною, какой мы не встрѣчаемъ въ другихъ религіяхъ („Наука и Религ.“ 96), то среди христіанскаго міра православно-русскій народъ „въ земномъ своемъ существованіи“, въ историческомъ бытіи своемъ „стремится къ полному развитію“ (Тамъ же 165) высшихъ началъ христіанства, къ воплощенію въ жизнь идеаловъ любви къ Богу и ближнему, указанныхъ Спасителемъ міра, и въ простотѣ сердечной является носителемъ правды вѣчной, правды Божіей...

Прошли вблизи Пицунды, являющейся теперь отраслью Новаго Аѳона. Въ долинкѣ, у песчанной бухты, среди сосноваго лѣса, около большой группы высокихъ пирамидальныхъ тополей виднѣется скромная обитель и въ ней недавно возобновленный древній храмъ, посвященный Божіей

Матери. Какимъ-то особеннымъ миромъ, ласковою привѣтливостію дышетъ все въ этомъ тихомъ уголкѣ иноческаго житія, — и оставалось пожалѣть, что не пришлось хотя нѣсколько часовъ пробить тамъ, подновить преданія христіанской старины глубокой, подышать въ древнемъ храмѣ воздухомъ давняго благочестія, порадоваться его обновленію силою вѣры родной земли...

Въ Новороссійскѣ простояли довольно долго, но развлекать себя тамъ нечѣмъ: растительность жалкая, городской садъ совсѣмъ ничтожный; храмъ одинъ — соборъ, да и тотъ очень плохой, совершенно невнушительной архитектуры; въ оградѣ его обращаютъ на себя вниманіе мужская и женская церковно-приходскія школы; есть — разумѣется — довольно большія зданія различныхъ учреждений... Но здѣсь большой пунктъ перегрузки съ суши на море всяческихъ предметовъ торговли, а также временной остановки весьма значительнаго количества отправляющихся на Новый Аѳонъ богомольцевъ, почему и имѣется монастырское подворье, впрочемъ маленькое пока. Въ скоромъ времени обитель надѣется устроить вмѣсто него обширное учрежденіе, — съ разрѣшенія Св. Синода принадлежащій ей домъ въ Тифлисъ, являющійся тамъ совершенно излишнимъ, продадутъ и на вырученныя деньги воздвигнутъ для пріюта и отдыха новоаѳонскихъ гостей большое зданіе, мѣсто для котораго уже пріобрѣтено. И помощи Господь Богъ обители святой во всѣхъ ея благодѣяніяхъ, въ служеніи русскому Богу, русскому благочестію, русскому дѣлу, русскимъ людямъ.

